

ПРОЕКТНЫЕ ОБРАЗЫ ГОРОДА И ТЕХНИКИ: ОСНОВАНИЯ ЕДИНСТВА ДВУХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

С. В. Пирогов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-13-70001

Отталкиваясь от факта конгруэнтности морфологической структуры города и типа техники, автор статьи рассматривает основание изоморфизма урбанистических и технических систем. Основным тезисом является утверждение о том, что каждый тип города характеризуется определённым способом организации жизни, типом применяемой техники и вещной средой на уровне повседневности. В статье даётся различение трёх типов вещей: доиндустриальная вещь, индустриальная вещь и виртуальная вещь – имидж. Проект как когнитивная конструкция возможной жизни приобретает различную форму: мифологическую, сциентистскую, идеологическую и виртуальную – в форме имиджа.

Ключевые слова: проектные образы, вещь, имидж, город, техника.

PROJECT IMAGES OF THE CITY AND TECHNOLOGY: FOUNDATION OF UNITY OF THE TWO SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENA

Sergey V. Pirogov

National Research Tomsk State University

The author discusses the basis of isomorphism of urban and technological systems relying on the fact of congruence of the morphological structure of the city and the type of technology. The main thesis is the assertion that every type of city is characterised by a certain way of life, by the type of technology used, and by everyday life things. The article gives a distinction of three types of things: the pre-industrial thing, the industrial thing, and the virtual thing – the image. Project as a cognitive structure of a possible life has different shapes: mythological, scientific, ideological and virtual – in the form of an image.

Keywords: project images, thing, image, city, technology.

1. Город и техника как системы вещей

В литературе о городе неоднократно высказывались предположения о сущностном единстве между городом и техникой как явлениями цивилизации. Действительно, города создают люди, используя технику. Более того, сам город выглядит как искусственно созданная среда обитания, система технических артефактов. Как система артефактов город позволяет человеку компенсировать свои природные недостатки и удовлетворять свои витальные потребности во всё возрастающем объёме. В этом плане город можно рассматривать аналогично техническому объекту, субстратом которого является его архитектоника – совокупность архитектурных и инфраструктурных компонентов. Однако такое рассмотрение связи между городом и техникой представляется недостаточным. Социально-гуманитарные размышления о технике показали, что её сущность не может быть сведена к функции удовлетворения витальных потребностей, что она не является лишь средством для достижения прагматических целей. То же и с городом: он, конечно, является формой поселения – и в этом плане прагматичен и функционален, но его влияние на человека не исчерпывается функцией полезности.

Город оказывает влияние не только на поведение человека, но и на структуру личности. Город может выступать субъектом диалога. То же и техника: неоднократно было указано на то, что техника влияет на ценностно-мировоззренческие структуры человека. Город и технику можно рассмотреть по отношению к человеку одновременно и как объект, и как субъект. Не последовательно, а именно одновременно в обеих ипостасях. Возможно ли это? В рамках классической науки – нет, потому что она построена на противопоставлении объекта и субъекта. В постнеклассической науке это противостояние снимается. В феноменологической парадигме объект понимается как конструкция сознания, как интерсубъективный феномен, возникающий в процессе повседневного и социального взаимодействия с миром: «Результат избирательной активности нашего сознания – выделение индивидуальных и типических характеристик объектов. Вообще говоря, нам интересны лишь некоторые аспекты каждого особенного типизированного объекта» [Шюц 1988]. Те аспекты, которые интересны и другим. Объект трактуется как узел взаимоотношений между людьми – интерсубъективное образование.

В контексте «реляционной онтологии» Б. Латура объекты также являются производными сетей отношений, но уже не только между человеческими, но и между «не-человеческими» компонентами [Латур 2003]. В этой сети отношений между явлениями разной природы появляется интеробъективность как устойчивая определённая вещь, что позволяет им оставаться самими собой, несмотря на их разное использование и интерпретацию [Латур 2006]. Так в социологии появляется особое понятие – «вещь». Дефиниций этому понятию, строго говоря, пока нет.

В имеющейся литературе, где обсуждается это понятие, строгие дефиниции отсутствуют. Энциклопедия социологии определяет вещь как «целостную и относительно устойчивую часть объективной действительности, обладающую определённой, выраженной в структурных, функциональных, качественных и количественных характеристиках» [Энциклопедия 2014]. Подчеркнём такую характеристику вещи, как качественная определённость. Как она возникает? Какова её природа? Вещь одновременно интерсубъективна и интеробъективна. Двойное употребление приставки «интер» указывает на то, что вещи не относятся однозначно ни к миру материального, ни к миру идеального. На наш взгляд, В. Вахштайн верно подметил, что вещи «выполняют функцию „медиаторов“ и „стабилизаторов“ социальной жизни», что это – скорее «образы материального», неотделимые «от нашего интуитивного понимания социальности» [Вахштайн 2006, 39]. Вещи многообразны: инструменты, объекты познания, товары, произведения искусства, городская инфраструктура, городской ландшафт... Общее у них то, что они влияют на взаимодействие человека с миром (разные вещи – разные миры) и на взаимодействие между людьми. Вещи – это модели взаимодействия, воплощённые в природном материале. Вещь – артефакт, наделённый смыслом и благодаря этому оказывающий влияние на поведение людей. Артефакт всегда «технэ» – произведение в античном понимании. Вслед за М. Мерло-Понти мы «понимаем вещь так же, как понимаем новое поведение, то есть не благодаря интеллектуальному усилию, стремящемуся установить место объекта в какой-либо рубрике, а принимая на свой счёт тот способ существования, который очерчивают перед нами доступные наблюдению знаки. Поведение намечает определённый способ трактовки мира» [Мерло-Понти 1999, 410]. Эта традиция понимания вещей как интенциональных предметов находит своё развитие в социологии знания, когда объект понимается как интерференция материальных и идеальных структур практики; «можно сказать, что объекты познания структурируют желание, или обеспечивают развитие структуры желаемого» [Кнорр-Цеттина 2006, 285]. Вещь – опредмеченный опыт поведения, поэтому она имеет биографию – качественную определённость для того, кто этой вещью пользуется. В то же время вещь активна по отношению к человеку. Повседневность – это мир вещей, которые диктуют нам правила поведения; «потребляются не сами вещи, а именно отношения – обозначаемые и отсутствующие, включённые и исключённые одновременно; потребляется идея отношения через серию вещей, которая её проявляет» [Бодрийяр 2001]. Жизненный мир – это некоторая картина мира, составленная из вещей.

В литературе неоднократно указывалось на изоморфизм городских и технических систем, например, на то, что как морфологическая структура, так и тип города менялись вслед за изменением техники: строительной,

транспортной, военной [Глазычев 2008]. Современный индустриальный город возникает на базе машинной техники, а постмодернистский, информационный город появляется вслед за возникновением информационной техники [Castels 1989]. Означает ли это, что город – простой эпифеномен техники, его продукт, результат технической деятельности человека? Скорее, следует полагать, что есть некоторая основа для существования и изменения как города, так и техники. Изоморфизм городских и технических систем позволяет применить богатую традицию изучения техники [Ленк 1996] для понимания общих для города и техники оснований.

Различные определения техники можно свести к трём основным аспектам: когнитивному – знания свойств природных материалов, и здесь мы видим техническое изделие (орудие, инструмент) как средство жизнедеятельности; социальному – организация предметных структур практики, и здесь мы видим технологию как способ совместной деятельности; символическому – представление о цели деятельности, и здесь мы видим некоторый социокультурный проект [Пирогов 2000]. Как показал Х. Ортега-и-Гассет, каждому типу жизни соответствует своя техника [Ортега-и-Гассет 1997]. Если человек – существо, чьё бытие состоит в том, чего ещё нет, то есть в чистом проекте, замысле, программе собственного бытия, то техника – функция переменной человеческой программы. Социокультурная программа, воплощённая в технике, выступает моделирующей системой, поэтому техника «заставляет» человека вести себя определённым образом. Употребление вещи формирует модель поведения, и в этом плане вещи имеют свою логику. Систематически это исследовал Ж. Бодрийяр [Бодрийяр 2001]. Относительно города М. Вебер показал, что город возникает как определённый образ жизни – городской образ жизни. В основе образа жизни лежат определённые ценностно-мировоззренческие принципы организации жизни. Меняются принципы – меняются типы городов [Вебер 1994]. Каждый тип города характеризуется соответствующим укладом жизни, способом организации жизни, типом применяемой техники и вещной средой на уровне повседневности. Поэтому техника – не причина города, так же как и город – не причина техники. Техника – средство и способ реализации некоторого проекта жизни под названием «город». Таким образом, единство города и техники в том, что в основе того и другого лежит некоторый идеальный проект жизни. «Собственно город – идеал, а не факт. Город – это то, что история в каждом слове своего времени порождает как некоторую идеальную модель <...> город – это потенция, а не факт» [Глазычев 1998].

Если город и техника – система вещей, то вещь – материальный образ, воплощение проекта жизни, образа жизни, включающего в себя как материальные, так и идеальные аспекты, репрезентант типа социокультурной системы. Социологический анализ системы вещей направлен на экспликацию их проектного смысла и выявление «логики вещей» – анализ того, как

вещи формируют модель поведения. «Эта „социологичность“ обеспечивается следованием зиммелевской максиме, согласно которой вещь есть, прежде всего, смысловое, а не материальное единство. Соответственно, задача социолога – установить, чем это единство обеспечено, какие „символические отношения“ придают ему устойчивость. Социологизм требует от исследователя раскрыть механизмы смыслового конституирования материальных вещей» [Вахштайн 2006, 20]. «Важно не то, что вещь „есть“, а то, что она „говорит взгляду“, то, как она „прочитывается“» [Вахштайн 2006, 13]. Вещи способны рассказать нам о том обществе, в котором они были созданы. Типология вещей соответствует типу общества.

Традиционная, доиндустриальная вещь – это индивидуальная магическая вещь, созданная в рамках мифологического проекта общества. Производство артефактов древности основано на эмпирически найденных приёмах орудийной деятельности, усиливающих органы человека. Техника и вещи здесь антропоморфны. Техническая деятельность и использование вещей обязательно предполагают ритуальные процедуры, передающиеся в устной традиции [Розин 1998 а]. Вещи имели социальную биографию, «вещь становилась частью личности, привычным условием образа жизни, идентичности, символизирующим жизненный путь не только данного человека, но и его социального окружения» [Голофаст 2000]. Логика традиционной вещи – логика традиции: «При ограниченном тиражировании ремесленных приёмов здесь не происходит тиражирования смыслов: „модель“ остаётся абсолют, который связан с чем-то трансцендентным» [Бодрийяр 2001].

Индустриальная вещь – это серийная функциональная вещь, созданная в рамках сциентистского проекта, в котором мир представляется как теоретическая конструкция, как череда моделей всё новых отношений между предметами, как рассчитанная система взаимодействия измеренных природных явлений и свойств. В основе как научного, так и инженерного проектирования лежит принцип «расчисляющего представления» (М. Хайдеггер). Культурной основой инструментальной техники являются два ценностно-мировоззренческих принципа: рационализм и функционализм. Рационализм отвергает всё сакральное и мифологическое, вводит в качестве основного объяснительного принципа каузальную связь между явлениями. В рамках функционализма мир понимается как единый механизм, все части которого взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга. Сциентистский тип проекта и новая, инструментальная техника являются элементами иной картины мира, нового проекта жизни – модернизма. В эпоху модерна проект «город» превращается в сциентистский проект и становится индустриальным городом. Логика вещи – это логика технической новации: создание всё новых инструментальных вариантов реализации стандартного набора функций. «Вещь превращается в функциональный компонент обычной, рутинной деятельности человека, их заменяемость становится

регулярной (вплоть до одноразового использования)» [Голофаст 2000]. «Всё течет, всё меняется у нас на глазах, всё обретает новый облик, и, однако, перемен ни в чём нет. Подобное общество, увлекаемое технологическим прогрессом, совершает грандиозные перевороты, но все они сводятся к повороту вокруг своей оси. Рост производства в нём не выливается ни в какую структурную переменную» [Бодрийяр 2001].

Информационная техника породила постиндустриальную, виртуальную вещь: вещь-знак, вещь-образ – имидж. Имидж является вещью постольку, поскольку задаёт модель поведения, но это специфическая вещь: она существует не столько благодаря материальным компонентам (которые, конечно, присутствуют в имидже), сколько благодаря символическим, притом символическим особого рода, проистекающими не из прошлого и настоящего, а из будущего. Имидж – прожективная структура: «К прожективному классу виртуальных реальностей относятся все реальности, созданные, спроектированные, исходя из некоторых идей. Это могут быть простые фантазии или, напротив, идеи, основанные на определённых знаниях или теориях. Важно не то, чтобы виртуальная реальность напоминала собой чувственный мир и реальные переживания человека в нём, а чтобы соответствующие идеи были воплощены полноценно, чтобы человек оказался в мире, отвечающем этим идеям, каким бы странным он ни был» [Розин 1998 б].

У имиджа двойственная гносеологическая природа. С одной стороны, имидж можно рассматривать как искусственно сконструированный объект – и этим он похож на объекты технических наук. С другой стороны, он реален настолько, насколько в него верят или к нему стремятся люди, то есть является проектом особого рода – аттрактором. «Имидж и бренд – это специально сконструированные аттрактивные символические модели презентуемых субъектов, предназначенные для управления системой предпочтений и ценностных ориентаций публики с целью формирования социетальной коммуникации» [Русакова 2008].

В силу этой двойственности, имидж следует определять не как реально существующий объект, а как смоделированный образ желаемой реальности – разновидность проектной модели, к которой можно применять только критерий эффективности функционирования, но не истинности существования. Располагаясь в пространстве между сознанием человека и материальным миром, имидж – вещь, но особого рода: она «отсылает не только к реальным качествам объекта, но и к желаемым, являясь частично символом, а частично симулякром» [Быстрова 2007]. Социальный компонент имиджа, его социальная логика может быть выражена интенциями «заботы», «дара», уверенности в завтрашнем дне и другими, которые излучает имидж [Социология 2003, 360]. Как выразился Ж. Бодрийяр о рекламе, это «логика Деда Мороза»: она не столько даёт информацию об объекте, сколько информирует «о его собственных

желаниях, предвосхищая и рационально оправдывая их в его собственных глазах» [Бодрийяр 2001].

На основе типологии вещи как типологии проекта реальности можно построить типологию городов, для которых характерны различные типы техники. Проект из символической формы в процессе деятельности человека превращается в вещи, в систему вещей. Вещи хранят символическое содержание проекта и являются своеобразным каркасом социальных отношений, потому что отношения возникают в том числе и по поводу вещей, и посредством вещей.

Общим основанием этих типологий является проект реальности как представление о «правильной» жизни. «Люди вообще живут не в натуральной реальности. Они создают конструкции действительности и в них живут. Так же и с городом» [Смирнов 1999]. В основе идеологии градостроения всегда лежат определённые ценностно-мировоззренческие принципы и представления об идеальном обществе. В основе морфологической структуры города всегда лежит некоторая идея, проект социальных отношений. Градостроительный проект – архитектурная метафора определённого устройства и смысла жизни. В архитектонике города закодировано смысловое содержание структур социального взаимодействия: норм, моделей, целей и смыслов поведения, организационно-управленческих и идеологических форм и способов жизни. Архитектоника городской среды несёт печать исторического пути и культурного опыта людей, которые её создают. «Любая нетривиальная задача в архитектуре, в конечном счёте, связана с некой идеальной моделью жизнеустройства. От неё зависят как геометрические параметры и стандарты практического использования, которым должны соответствовать объект, так и смысловая информация, которую должна нести форма объекта» [Иконников 1996, 75].

Проектным основанием города и техники является совокупность представлений об определённом мироустройстве, некотором идеальном порядке. «Итак, образ города соотносится с понятием «картины мира» [Хренов 1995, 150]. Меняется картина мира – меняется идея города и технические средства её реализации. У города и техники есть некоторая общая идея, возникающая в рамке определённой картины мира. Проект как когнитивная конструкция возможной жизни приобретает разные формы самосознания человека: мифологическую, сциентистскую, идеологическую и виртуальную – в форме имиджа.

2. Типология города и техники как социокультурных проектов

Исторически первым проектом социальных отношений является миф. Мифологический город – это город мастеров, ремесленников. Проектная сущность мифа заключается в том, что в мифе моделируется реальность более совершенная, чем та, которая действительно существует. В мифологии

города происходит удвоение реальности: Град Земной и Град Небесный. Мифологическая идея города – это идея созидания нового через совершенствование образа жизни и среды обитания. «Таким образом, город (в смысле метафизической идеи) рождается как результат культурной рефлексии, осознания человеком себя как метафизического существа, потерявшего Бога и пытающегося найти новую форму-копию Бога, какой и становится собственно Город. В этом смысле Город является формой спасения и исцеления заблудшего человека желанием» [Смирнов 1999]. Ж. Эллюль в работе «Ни кола, ни двора: Библейский смысл Великого Града» писал, что негативное восприятие реального города в Библии можно интерпретировать как существование двух разных типов проекта жизни: идеальный проект Града Божьего и всегда несовершенную реализацию этого проекта. Город как артефакт всегда будет проигрывать идеальному городу, городу-мечте, но, тем не менее, конкретные формы технической организации места обитания есть этапы освоения человеком среды обитания и формы реализации человеком своей дуальной сущности человека-творца и человека-техника. Перспективой согласования этих двух проектов или этих двух сторон процесса проектирования новых форм жизни является, по мнению Эллюля, «этика отказа от власти», что можно понимать как стремление согласовывать разработку конкретных технических проектов (в том числе и градостроительных), отражающих интересы различных социальных групп, потому что «не существует уже божественных законов, которые можно было бы противопоставлять технике как бы извне. Поэтому необходимо исследовать технику изнутри и признать невозможность жить с ней, если мы не станем придерживаться этики отказа от власти» [Митчем 1995, 51–52].

Вторым этапом развития техники и её новой формой является инструментальная техника. Если технические артефакты древности существовали в орудийной форме и носили преимущественно приспособительный характер, выражали собой органически-приспособительное отношение к миру, то инструментальная техника появляется тогда, когда появляется инженерный тип технической деятельности и инженерный тип мышления. Инженерия как форма проектирования основана на эксперименте, который имеет не техническую, а социокультурную природу, является феноменом культуры и мировоззрения Нового времени. «Современная физика не потому экспериментальная наука, что применяет приборы для дознания фактов о природе, а наоборот: поскольку физика, причём уже в качестве чистой теории, заставляет природу представлять себя как расчётно-предсказуемую систему сил, постольку ставится эксперимент, а именно для установления, даст ли и как даёт о себе знать представленная таким образом природа» [Хайдеггер 1986 а, 56]. Представление этих «сил» в обособленном, так сказать, «чистом виде», в виде математических схем определяет собой естествознание, или науку.

Инженерия, в том числе и социальная инженерия как тип моделирования, возникает в определённой культурно-мировоззренческой ситуации. В основании инженерной деятельности лежит другой, в сравнении с ремеслом, принцип: конструирование предмета по заданной функции. Инженерная деятельность – это способность выстраивать систему действий для получения определённого результата. В гносеологическом плане это выглядит как создание операциональной схемы использования природных свойств предметов. Для инженера мир вообще, предметный в частности – это система действующих сил, подчиняющихся определённым законам. Сущностью техники, по мнению Хайдеггера, является не нечто техническое, она заключена не в артефакте, а в способе рассуждения и той картине мира, которая сформировалась в Новое время: «Проект предписывает, каким образом предприятие познания должно быть привязано к раскрываемой сфере» [Хайдеггер 1986 б, 94]. В момент осознания своего господства над окружающим миром человек, в действительности, оказывается не видящим самого себя в самом себе, ибо он сам оказывается во власти *Gestell*. Происходит утрата ценностно-смыслового компонента проекта. Это проявляется тогда, когда в проектах отчётливо наблюдается преобладание рационально-технической составляющей и ослабление ценностно-смысловой, когда «расчисляющее представление» (М. Хайдеггер) закрывает смысловой горизонт жизни. Поскольку все формы социальности (в том числе и город) развиваются на основе техники, то социальные явления также приобретают характеристики инструментальной техники. Негативные последствия распространения этих характеристик на социальную сферу, связанные, прежде всего, с рационализацией мира, заключаются в способности техники превращать средства в цель, стандартизировать человеческое поведение и, как следствие, делать человека объектом «калькуляций и манипуляций» (М. Хайдеггер).

Инструментальная техника и индустриальный город являются вещным воплощением культурного проекта «модерн». Непосредственную связь между техникой, рационализмом и особенностями духовной жизни мегаполисов одним из первых увидел Г. Зиммель. Духовная жизнь в больших городах характеризуется, по его мнению, чрезмерной организованностью и формализмом, а жизнь горожанина – рационализмом и обезличенностью. Зиммель подчёркивал, что такие особенности поведения горожан, как пунктуальность, рассчитанность, точность, «стоят в теснейшей связи с его денежно-хозяйственным и интеллектуалистическим характером» [Зиммель 2002, 26]. Зиммель связывает «характер города» и тип личности с духом эпохи модерн, сущностными чертами которой являлся рациональный расчёт и «атрофия индивидуальной культуры вследствие гипертрофии объективной» [Зиммель 2002, 34].

«Идеей» модернистского города, идеологией городской жизни является идея оптимальности, понимаемая как согласованное наращивание

производственной базы (включая и «производство культуры»). Критерием оценки таким образом понимаемого города выступает эффективность функционирования города как фабрики по производству продукции любого вида, но обязательно в возрастающих масштабах. Траектория развития городов выглядит как трендовые модели накопления и экстраполяции параметров различных производственных процессов (в том числе и демографических). Вся полнота истории городов сводится к статистическим параметрам дискретных материальных процессов, происходящих в городах. Оценку проекта «модерн» как рационалистической утопии дали М. Хоркхаймер и Т. Адорно: «С развитием городского товарного хозяйства сумрачный горизонт мифа озаряется солнцем калькулирующего разума, под чьими леденящими лучами вызревают всходы нового варварства» [Хоркхаймер 1997, 49].

Социокультурная амбивалентность сциентистской организации городской жизни заключается в том, что наряду с возрастанием технического могущества и материального комфорта социотехническая система города является базой авторитарного управления и подавления творческих инициатив. Л. Мэмфорд увидел сущностную связь между техникой, цивилизацией, городом и авторитаризмом. По его мнению, город не возникал эволюционно из предшествовавшей аграрной цивилизации, а появился в результате «городской революции», и сущностью городского общества является Мегамашина – институциональная организация совместного труда, основанная на дифференциации функций и иерархической системе управления, в отличие от общинно-коллективной системы натурального хозяйства деревень. Создание Мегамшины совпадает с появлением городов. Город – пространственная форма существования Мегамшины постольку, поскольку жизнь в городе построена на принципе функционального разделения труда и функционального зонирования территории. Важными характеристиками как Мегамшины, так и городского социума являются объединение мелких общин в единую систему, централизованное авторитарное управление, устранение культурно-мировоззренческих различий и появление унифицированного, космополитического, рационалистического, в перспективе – сциентистского – взгляда на мир. «Машина, которую я упоминаю, никогда не была открыта в каких-либо археологических раскопках по простой причине: она была составлена почти полностью из человеческих частей. Эти части были соединены в иерархической организации под властью абсолютного монарха, команды которого, поддержанные коалицией священнослужителей, вооружённой знатью и бюрократией, обеспечивали подчинение всех компонентов машины аналогично функционированию человеческого тела» [Мэмфорд 1986, 233].

Мэмфорд предлагает, во избежание диспропорции социально-культурного развития, параллельно совершенствовать систему общественного самоуправления и создавать условия для развития творческих организаций.

Развитие техники, по его мнению, следует направлять для усиления того аспекта человеческого бытия, который он называет «личным». Вещь не исчерпывается функциональной полезностью; в ней всегда присутствует замысел как проект социальных отношений и смысл человеческого поступка. Конструирование техники начинается с создания идеального проекта, замысла формы жизни – формы отношения к миру и человеку. Контроль над техникой, в том числе и над городом как Мегамашинной, есть контроль над формой жизни, над проектами преобразования жизни, есть форма, способ и средство реализации власти. В работе «Город в истории» Мэмфорд сформулировал концепцию «интегративного дизайна» – способа соединения искусства и массового технологического производства, объединения техники и человека. Такого рода пример он видел в «органичной архитектуре» Ф.Л. Райта. Размышления Мэмфорда о существовании двух «начал» городской жизни – технической и символической – способствовало появлению неогуманистических социологических проектов «возрождения жизни» [Лэндри 2000].

Ж. Эллюль также пишет о необходимости различать типы техники с ее различным влиянием на социальные отношения и смыслополагающую сферу в разные исторические эпохи; иначе говоря, характер и степень представленности «технического начала» в социальных явлениях может быть разным. Ослабление дегуманизирующего и разрушительного влияния технических проектов Ж. Эллюль также связывал с совершенствованием практики согласования решений в градостроительстве. Речь идёт о совершенствовании системы коммуникации между различными субъектами социокультурного проектирования городской жизни. Важным аспектом градостроительных проектов является коммуникативный – диалог между населением (реальным потребителем овеществлённых проектов) и субъектами, обладающими властью выдвигать и реализовывать проекты изменений и развития. Эллюль был одним из тех, кто поднял вопрос о необходимости социокультурной экспертизы технических и градостроительных проектов. Он предложил ряд мер по гуманизации техники и градостроительства: отказ от «роста любой ценой», поощрение малых производственных единиц, применение небольших энергий; снижение уровня жизни в пользу качества жизни; «признание всех и всяческих автономий»; «упразднение большого числа административных служб, что окажется возможным благодаря информатизации»; налаживание самоуправления [Эллюль 1986].

В этом же направлении развивалась урбанистическая мысль А. Лефевра. Первоначально, отмечая прежде всего технический аспект городской жизни, он видел город как машину по производству прибавочной стоимости, как механизм «урбанизации капитала», как функционально зонированное пространство. Однако он же явился одним из первых критиков функционалистского подхода к городской среде. Он,

в частности, писал: «Городские ансамбли, особенно самые большие, демонстрируют в действии аналитическую мысль (или, если угодно, чисто аналитический разум), доведённую до крайних пределов. <...> Вопрос сейчас в том, не пришло ли время поставить под сомнение преобладание аналитической мысли» [Лефевр 2002].

Образы города и техники существуют и в идеологической форме. Идеология как взгляд на реальность есть проект определённых социальных групп, которые стремятся реализовать свои идеалы, в том числе и через организацию морфологической структуры города. В основе идеологии градостроения всегда лежат определённые ценностно-мировоззренческие принципы и представления об идеальном обществе, экспликация которых необходима для адекватного понимания действительных, часто не до конца осознанных целей и результатов организации и реорганизации городской среды. Как зачастую бывало в градостроении, декларации о намерениях фактически расходились с практикой градоформирования. Поэтому экспликация «судьбы» идеологических проектов в истории градостроения может быть поучительной и значимой для понимания современных реалий городской жизни и прогнозирования урбанистических процессов. Одним из наиболее ярко выраженных вариантов влияния идеологии на градостроение явился советский город. В проектировании городов в советский период просматривается, как минимум, два этапа, различающихся своим идеологическим содержанием. На первом, романтическом этапе градостроители исходили из идей социально-пространственного равенства: сближение городского и сельского образов жизни, ликвидация культурного и инфраструктурного разрыва между центром и окраиной города. «В социалистическое время система обслуживания строилась исходя из идеи того, что есть коллективы людей по месту жительства – микрорайон. Это была социальная идея» [Розин 1998 в]. Социалистические идеи, как и все утопические проекты, не могли реализоваться вне сложившихся реалий социально-экономического и пространственного развития страны и в реальности воплощались в формы, далёкие от идеалов: «слободизация» городских поселений [Глазычев 1995], разрушение публичного пространства города через понижение символического статуса и престижа городского центра [Герасимова 2000]. Появление второго этапа в значительной степени было связано с прагматическими задачами обеспечения жильём и индустриального развития страны. Здесь идеалы и возможности часто вступали в противоречие, что приводило к необходимости разработки определённой жилищной политики и политики размещения производства. «С этого времени поиски содержательной концепции города, по сути, уступили место поиску технических средств застройки городов, приобретших самоценное значение» [Косенкова 2001, 68]. Собственно идеологическое содержание градоустройства трансформировалось в технократическую

политику государства, приоритетами которой были интересы производства, а не людей. «Пожалуй, именно здесь следует искать истоки безликости большинства советских городов» [Сенявский 1999, 92]. При этом декларируемый научный подход имел столь же малое отношение к гуманитарной науке, как и идеалы социального равенства.

Изменение идеологического вектора в современной России пока мало что изменило в градостроительстве и повседневной жизни большинства горожан. Точечная застройка, отсутствие масштабных проектов реабилитации городской среды и коммерциализация городской территории привели, по мнению ряда экспертов, к средовой катастрофе. Главный фактор средовой катастрофы российских городов – «это отсутствие достаточно развитого представления о сущности городской среды, о том, какие качества делают её пластичным и податливым материалом для работы. Что ж, самое время актуализировать такое представление» [Юсупов 2006, 15]. А пока город – объект идеолого-рыночного конъюнктурного манипулирования. Переход от одной идеолого-мировоззренческой концепции проектирования города к другой в практике градостроительства и градостроительства сопровождается деструктивно-разрушительными процессами и поэтому нуждается в социокультурной экспертизе, о чём начал говорить ещё Эллюль. В современной российской городской среде «в условиях распространения частных частных практик на общественную публичную действительность социальная жизнь в городе теряет свою открытость и определённую. Она распадается на несвязанные между собой автономные замкнутые образования, каждое из которых живёт по собственным правилам» [Лейбович 2004, 104]. Столкновение идеологом с реальностью приводит к частичной их реализации в непредсказуемых и малоперспективных формах, а для городской среды это оборачивается деградацией её культурно-символического потенциала, а значит и ресурсов инновационного развития.

Судьбы техники и города вновь пересекаются в связи с появлением новой информационной техники. Урбанистический проект виртуализируется и приобретает форму имиджа. Когнитивная специфика имиджевого образа состоит в том, что он является не только, а порой и не столько, отражением реалий города, сколько конструкцией того, чему надлежит стать реальностью или может ею стать. Здесь вновь актуализируется проблема соотношения образа и реальности. Имидж как проект возможного города, как возможность некоторого идеального состояния городской среды «работает» в коммуникативном пространстве: «Имидж есть образ в той степени, в какой он активизирует общение индивидов или организаций. <...> Имидж существует для аудитории и в процессе взаимодействия с ней. Имидж не существует, если нет аудитории» [Быстрова 2007]. Имидж как реалистичный интересубъективный проект совместной жизни возникает в процессе коммуникации городских сообществ только

в том случае, если он «символизирует собой тех, кто в нем живёт и работает: городское сообщество, состоящее из людей, встречающихся и говорящих друг с другом, ведущих символическое существование в самом первичном смысле этого слова, то есть их отношения носят взаимодополняющий характер и обладают некой общей системой значений» [Оже 1999]. В то же время имидж создаёт аудиторию. В ситуации возрастания социокультурной гетерогенности населения городов имидж становится интегративным фактором и одновременно средством идентификации горожан. Проблема появляется тогда, когда виртуальные образы города (в том числе и в СМИ) утрачивают связь с реальными ожиданиями горожан и превращаются в симулякры (Ж. Бодрийяр) – образы отсутствующей действительности, стирающие различия между реальным и воображаемым. Появляется опасность деформации реальности в сознании воспринимающего. «Формирование подобной модели мифа, в которой знаком являются симулякры, становится возможным в условиях развития средств массовой коммуникации, репродуцирования огромного количества информации огромным массам населения, которая даже не успевает перерабатываться и осмысливаться, а сразу воплощается в создаваемую „реальность“» [Климова 2006, 119].

Подводя итог анализу взаимосвязи города и техники, можно резюмировать, что они – вечное воплощение социокультурных проектов, а вещи – место встречи материальных и идеальных структур совместной практической деятельности людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бодрийяр 2001 – *Бодрийяр Ж.* Система вещей. Москва, 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/foo/soo/z0000323/st000.shtml> (дата обращения: 10.01.2014).
- Быстрова 2007 – *Быстрова Т.* Аналитика и феноменология имиджа // Tabu27.ru. 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tabu27.ru/> (дата обращения: 22.01.2014).
- Вахштайн 2006 – *Вахштайн В.* Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. Москва, 2006. С. 7–42.
- Вебер 1994 – *Вебер М.* Город // Избранное. Образ общества. Москва, 1994. С. 309–446.
- Герасимова 2000 – *Герасимова К., Чуйкина С.* От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России в 1920-е – 1930-е годы. СПб., 2000. С. 27–74. [Электронный ресурс] URL: http://www.cisr.ru/files/publ/Gerasimova/Ger_Tchouik_CapitalSPb_Socialist_Leningrad.pdf (дата обращения: 25.01.2014).

- Глазычев 1998 – *Глазычев В.Л.* Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов // Сайт В.Л. Глазычева. [Электронный ресурс] URL: http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm (дата обращения: 12.01.2014).
- Глазычев 1995 – *Глазычев В.Л.* Слободизация страны Гардарики // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. С. 64–88.
- Глазычев 2008 – *Глазычев В.Л.* Урбанистика. Москва, 2008.
- Голофаст 2000 – *Голофаст В.Б.* Люди и вещи // Социологический Журнал. 2000. № 1–2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-0ogol.html> (дата обращения: 5.01.2014).
- Зиммель 2002 – *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4. С. 23–34.
- Иконников 1996 – *Иконников А.В.* Город утопии и реальное развитие // Город и искусство: субъекты социо-культурного диалога. М., 1996. С. 75–84.
- Климова 2006 – *Климова С.М., Губарева О.В.* Миф и симулякр // Человек. 2006. № 6. С. 113–120.
- Кнорр-Цеттина 2006 – *Кнорр-Цеттина К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. Москва, 2006. С. 267–306.
- Косенкова 2001 – *Косенкова Ю.Л.* Градостроительство советской эпохи в поисках идеала // Человек. 2001. № 1. С. 55–73.
- Латур 2003 – *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
- Латур 2006 – *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей. Москва, 2006. С. 169–198.
- Лейбович 2004 – *Лейбович О.Л., Кабацков А.Н., Пушкова Н.В.* Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. 2004. № 1. С. 91–105.
- Ленк 1996 – *Ленк Х.* Размышления о современной технике. Москва, 1996.
- Лефевр 2002 – *Лефевр А.* Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 1–8. [Электронный ресурс] URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/04/1211598040/soc_oboz_2_3.pdf (дата обращения: 12.01.2014).
- Лэндри 2000 – *Лэндри Ч., Грин Л., Матарассо Ф., Бьянчини Ф.* Возрождение городов через культуру. Санкт-Петербург, 2000.
- Мерло-Понти 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. Санкт-Петербург, 1999.
- Митчем 1995 – *Митчем К.* Что такое философия техники? Москва, 1995.
- Мэмфорд 1986 – *Мэмфорд Л.* Техника и природа человека // Новая технократическая волна на западе. Москва, 1986. С. 225–239.
- Оже 1999 – *Оже М.* От города воображаемого к городу-фикции // Художественный журнал. 1999. № 24. [Электронный ресурс] URL: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения: 15.01.2014).

- Ортега-и-Гассет 1997 – *Ортега-и-Гассет Х.* Размышления о технике // Избранные труды. Москва, 1997. С. 164–232.
- Пирогов 2000 – *Пирогов С.В.* Взаимодополнительность аспектов анализа техники как принцип оценки её социокультурной роли // Методология науки: На пути к новой рациональности. Вып. 4: Методология дополнительности: синтез рациональных и внерациональных методов и приёмов исследования. Томск, 2000. С. 139–143.
- Розин 1998 а – *Розин В.М.* Диспозитив техники // Традиционная и современная технология: философско-методологический анализ. Москва, 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/iphras/library/technol.html> (дата обращения: 5.02.2014).
- Розин 1998 б – *Розин В.М.* Технологии виртуальных реальностей // Традиционная и современная технология: философско-методологический анализ. Москва, 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/iphras/library/technol.html> (дата обращения: 5.02.2014).
- Розин 1998 в – *Розин В.М.* Социокультурное проектирование и программирование. Лекция. 5.06.1998 // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/1437> (дата обращения: 11.01.2014).
- Русакова 2008 – *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27%3Apr&catid=59%3Apr---&Itemid=10&limitstart=3 (дата обращения: 18.01.2014).
- Сенявский 1999 – *Сенявский А.С.* Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. Москва, 1999. С. 153–163.
- Смирнов 1999 – *Смирнов С.А.* Антропология города, или о судьбах философии урбанизма в России. [Электронный ресурс] URL: http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal/ancity_1.html (дата обращения: 12.01.2014).
- Социология 2003 – Социология: Энциклопедия. Минск, 2003.
- Хайдеггер 1986 а – *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Новая технократическая волна на западе. Москва, 1986. С. 45–66.
- Хайдеггер 1986 б – *Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. Москва, 1986. С. 93–118.
- Хоркхаймер 1997 – *Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. Москва, 1997.
- Хренов 1995 – *Хренов Н.* Образы города в истории: психологический аспект смены парадигм // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 150–161.
- Шюц 1988 – *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137. [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/fo0/s00/z0000918/st000.shtml> (дата обращения: 02.02.2014).

- Эллюль 1986 – *Эллюль Ж.* Другая революция // Новая технократическая волна на западе. Москва, 1986. С. 147–152.
- Энциклопедия 2014 – Энциклопедия социологии // Онлайн словари. 2014. [Электронный ресурс] URL: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_sotsiologii/page/vesch.441/ (дата обращения: 04.02.2014).
- Юсупов 2006 – *Юсупов Д., Ларина Е.* Средовая катастрофа и российские города // Российское экспертное обозрение. 2006. № 2 (16). С. 11–15.
- Castels 1989 – *Castels M.* The Informational City // Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1989.

Материал поступил в редакцию 18.02.2014